

Да и твой вождь в небесах, площадной никогда не писали
Речью; а потому, о поэтов судья беспристрастный,

20

Вот что скажу я тебе, коль меня обуздать не захочешь:
Не расточай, не мечи ты в пыль перед свиньями жемчуг,
Да и Кастальских сестер не стесняй непристойной одеждой,
Но возглашай, я молю, то, что славу твою преумножит,
Во вдохновенных стихах, и тем и другим одаренный.

25

Ведь уже многое ждет в рассказах твоих освещенья:
К звездам каким полетел Юпитеров оруженосец,
Пахарь какие, скажи, цветы и лилии вырвал,
Ланей фригийских воспой, собачьим растерзанных зубом,
Горы Лигурии, флот опиши ты партенопейский.

30

В этих стихах ты бы мог до Гадеса Алкидова выплыть,
Истра вспять потекут струи для знакомства с тобою,
Царству Элиссы былой и Фаросу станешь ты ведом.
Коль тебе слава мила, то ни область в тесных пределах
Не успокоит тебя, ни сужденье льстивое черни.

35

Первым я наслажусь, коль меня сочтешь ты достойным, –
Жрец Аонид и родной, соименный поклонник Марона, –
Пред школярами предстать при всеобщем их ликование
Вместе с тобой на челе в пенейском венке благовонном,
Точно глашатай верхом, с восторгом славящий громко

40

Въезд триумфальный вождя восхищенным толпам народа.
Вот уже чуткий мой слух потрясают военные клики:
Жаждет чего отец Апеннин? Что Тирренского моря
Волны вздымает Нерей? Что Марс повсюду скрежещет?
Аиру бери, укроти людские безумные страсти!

45

Этого коль не поешь, предоставив другим песнопенья,
Знай, что останется все никем без тебя не воспетым.
Если же подал ты мне надежду со струй Эридана
К нам снизойти и почтить меня письмом дружелюбным,